

Соб. артист 1981, 15 мая

Маквала Касрашвили

Маквала Касрашвили кажется мягкой, застенчивой женщиной, в ее облике читается редкое лирическое обаяние и вместе с тем — приметы внутреннего огня и напряжения. Внешне певица совсем не похожа на примадонну, в ее поведении начисто отсутствует «премьерский» оттенок: все броское, рассчитанное на «эпатаж», — ей чуждо. Те же черты присущи и ее творчеству.

Выражаясь словами поэта, искусство Касрашвили — «огонь, мерцающий в сосуде». Яркие, динамичные и по-настоящему красивые образы, создаваемые певицей, воспринимаются совершенно особенным образом: они словно вызревают, «проявляются» в сознании подобно некоему второму слою фресок, но никогда не бьют в глаза неприкрытым, прямым светом... Нечасто среди оперных певиц можно встретить такое сочетание сценической яркости образов и их удивительной объемности, глубины и сосредоточенности.

Путь Маквалы Касрашвили как певицы начался в Кутаисском музыкальном училище. Позднее она училась в Тбилисской консерватории у профессора В. Давыдовой. Занимаясь у прославленного мастера, создавшего немало ярких образов на сцене Большого театра, Касрашвили с юных лет воспитывала в себе не только вокальные, но и разнообразные сценические навыки. И несмотря на то, что, придя в театр, она уже была знакома с лучшими его традициями, для Маквалы, как и для многих других певиц, первые годы пребывания в оперной труппе Большого театра были периодом овладения вокально-сценическими навыками, необходимыми именно оперной певице.

Ныне Маквала Касрашвили — одна из ведущих оперных певиц нашей страны. Ее хорошо знают и за рубежом: сольные выступления певицы в Италии, Франции, США, Англии и других странах проходят с огромным успехом, не говоря уже о постоянных гастрольях Касрашвили в составе оперной труппы Большого театра в городах нашей страны и за рубежом. Сегодня нашу оперную труппу трудно представить себе без Маквалы Касрашвили. Ее голос придает особенное, благородное звучание многим спектаклям, а актерское обаяние сообщает неповторимый аромат течению событий на сцене.

В репертуаре М. Касрашвили большое число самых разных ролей. Почти всем им свойственна общая романтическая окраска: ее можно считать своеобразным амплуа певицы. Однако романтизм Касрашвили — понятие широкое, оно охватывает множество граней. Так, Касрашвили — Татьяна не похожа на Касрашвили — Тоску, Касрашвили — Лиза — на Касрашвили — Дездемону. В каждой из этих ролей певица находит рельефные, индивидуальные черты, не позволяя себе быть одинаковой в контексте разных музыкальных ситуаций. И хотя искусство оперного певца, как правило, — искусство сугубо личностное, Касрашвили умеет

соединить в своем творчестве собственную артистическую индивидуальность с неповторимостью создаваемого образа.

Романтизм, присущий Касрашвили, проявляется прежде всего в редкой одухотворенности ее интерпретаций. Любая героиня приобретает в ее исполнении черты исключительности, изысканности, утонченности. И этим манера Касрашвили оказывается на редкость современной: слушая певицу, мы внимаем ей, как некоей героине современного психологического романа или пьесы. Утонченный психологизм сопоставляет всем интерпретациям Касрашвили: от манящей полуулыбки Тоски в первом акте оперы, от детально прочувствованного нервного поведения Татьяны на балу у Лариных — до аффектированных сильнейших эмоциональных взрывов «Пиковой дамы» и сгущенной психологической «достоевщины» «Игрока» Прокофьева.

Касрашвили не только интересно слушать, за ней невероятно интересно наблюдать и сопереживать ей. В ее исполнении нет ходульности, оперной «вампукки», неестественности. Подлинная, а не мнимая сценичность, подлинный, а не поддельный пафос сразу же привлекают внимание слушателей.

Простой перечень партий, спетых М. Касрашвили в Большом театре, одновременно оказывается перечислением самых значи-

На снимке: М. Касрашвили — Полина («Игрок»).

На снимке: М. Касрашвили — Татьяна («Евгений Онегин»).

тельных партий мирового оперного репертуара: Татьяна, Иоланта, Лиза, Донна Анна, Амелия, Леонора, Дездемона, Тоска, Наташа («Война и мир»), Полина («Игрок»). Певица поет только то, что ей наиболее близко, и этим «близким» оказываются высочайшие вершины оперной драматургии.

В творчестве Касрашвили отсутствует элемент случайности — случайности роли, интерпретации, жеста, интонации. Все — от «молекулы» до «целого» — продиктовано внутренней необходимостью, потребностью сделать именно так, а не иначе. А потому все образы кажутся только что рожденными, не стертными. В своем волнующем воплощении оперных образов Касрашвили проявляет неподдельный артистический аристократизм, решительно отменяя все второстепенное, ненужное, суетное.

Особого внимания заслуживают роли Касрашвили в современном оперном репертуаре — здесь раскрывается широкий спектр выразительных возможностей певицы. Кто мог подумать, что Касрашвили окажется столь замечательной Полиной в «Игроке»? Эта роль до сих пор, как мне кажется, остается одним из наивысших достижений певицы. И хотя кульминационные сцены «Тоски», «Пиковой дамы», «Оне-

гина» достаточно ярко раскрывали прекрасные драматические возможности певицы, именно в «Игроке» стала ощутимой редкая способность Касрашвили к быстрой психологической перестройке, реактивность, способность найти образную гармонию в том, что на первый взгляд кажется дисгармоничным.

«Актерское» у Касрашвили неотделимо от чисто «вокального». Голос ее необыкновенно богат: он и мягок, и драматичен, и «интимен», и пронзителен; певица счастливо сочетает в себе возможности лирического и драматического сопрано. Звуковедение Касрашвили очень разнообразно и обнаруживает незаурядное мастерство: пластичность кантилены, мягкость филировок, на редкость выразительный тембр и какая-то особая, волнующая трепетность голоса — все это не исключает возможности жесткого и предельно драматичного, эмоционально-взвинченного его звучания. Пение Касрашвили технически и эстетически превосходно и вместе с тем глубоко индивидуально по манере. Точность подачи музыкального текста сочетается с редкой выразительностью его интерпретации.

Универсальность Касрашвили-вокалистки подчеркивается тем фактом, что ей удается органично, естественно соединить в себе амплуа оперной и камерной пе-

На снимке: М. Касрашвили — Лиза («Пиковая дама»).

На снимке: М. Касрашвили — Тоска.

вицы. Сценические, оперные образы Касрашвили прежде всего подлинно музыкальны, совершенны в звуковом отношении; концертные же интерпретации певицы приобретают, как правило, прямо-таки зримую, сценически рельефную музыкальную выразительность. Таким образом, свои камерные выступления Касрашвили обогащает оперными чертами, и наоборот.

Искусство Маквалы Касрашвили находится в самом расцвете. Оно импонирует многим — эмоциональной трепетностью, психологической утонченностью и исполнительским интеллектуализмом, умением «лепить» музыкальную материю, оценивая себя «со стороны», режиссерски осмысливая целое. Касрашвили обладает хорошим вкусом. И все же обаяние искусства певицы не исчерпывается всеми этими определениями, оно как бы «ускользает» из-под словесных определений. Впрочем, в самом существе артистической манеры Маквалы Касрашвили явно присутствует некий интригующий элемент «недосказанности», чуть туманной дымки. Вероятно, этот элемент и делает особенно притягательными и обаятельными созданные певицей образы, лишая их «любовой» откровенности и «отмеренности» и определяя тот едва уловимый оттенок загадочности (быть может, навеянный родным для певицы Востоком?), который и составляет силу любого настоящего искусства, чуждого стопроцентной исчерпанности.

А. ИВАШКИН.

Фото Л. Педенчук и Г. Соловьева.

На снимке: М. Касрашвили — Дездемона («Отелло»).

49